

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.29>

Куницын Андрей Геннадьевич

ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ "ЗАБОТЫ"

Статья раскрывает этическое содержание понятия "забота", сравнивая его с иными этическими доктринами, такими как категорический императив И. Канта и "алмазное правило этики". Автор постулирует заботу в качестве фундаментально отличного от других этического принципа, приводятся ее иные основания, в частности опора не на эмпирический, а на онтологический фундамент. Бытие постулируется в качестве базового принципа любого этического поступка, а необходимость осознания человеком своей причастности к Бытию определяется как движущий принцип любого безупречного этического суждения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/29.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 144-148. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Дёмин И. В. Русский космизм в перспективе трансгуманизма: монография. Самара: Глагол, 2014. 208 с.
2. Зубков С. А. Учебно-методическое пособие по дисциплине «Религия и экология» для студентов направления «Религиоведение» [Электронный ресурс]. Владимир: ВлГУ, 2017. URL: <http://e.lib.vlsu.ru/bitstream/123456789/6309/1/00694.doc> (дата обращения: 31.03.2019).
3. Казьмина О. Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Изд-во МГУ, 2009. 304 с.
4. Криницын С. В. Между двух экологий. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 108 с.
5. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. Н. Новгород: Нижегородский университет, 2010. 85 с.
6. Медведев В. И., Алдашева А. А. Экологическое сознание. М.: Логос, 2001. 384 с.
7. Субетто А. И. Теория качества жизни. СПб.: Астерион, 2017. 280 с.
8. Тимощук А. С. Экологическая системогенетика права // Философско-антропологические исследования: научно-теоретический гуманитарный журнал. 2008. Вып. 1-2. С. 11-15.
9. Тимощук А. С. Экология в ведической культуре // Законы экологической сферы общества: материалы VIII Международной ярмарки идей, 33 Академ. симпозиума. Н. Новгород: Гладкова О. В., 2005. С. 223-224.
10. Тимощук А. С. Экология мест паломничества стран третьего мира на примере Ваджа в Индии // Паломничество и религиозный туризм: многообразие интерпретаций: сборник научных статей / отв. ред. И. Е. Викулов. Владимир: ВлГУ, 2011. С. 187-194.
11. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ; Астрель, 2011. 314 с.

PROBLEM OF IMPROVING AN ECOPHILIC HUMAN

Zubkov Sergei Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
sazubkov@bk.ru

The paper introduces the conception of an ecophilic human, who forms ecophilic consciousness of respect and parity relations with nature. Development of ecological culture in the modern world contributes to a human's involvement in environmental informatization, encourages ecophilic religious moods and promotes better understanding of negative aspects of eco-phobia. Using the ecophilic strategy a human can minimize his impact on nature and even solve global problems including the problem of environmental crisis. On the other hand, the modern "human engineering" strategy within the framework of the trans-humanistic approach together with technocracism, hedonism and eco-phobia does not give us a chance to improve the quality of life.

Key words and phrases: ecophilic orientation; eco-phobic orientation; ecophilic consciousness; rational nature management; environmental informatization.

УДК 124.5

Дата поступления рукописи: 22.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.29>

Статья раскрывает этическое содержание понятия «забота», сравнивая его с иными этическими доктринами, такими как категорический императив И. Канта и «алмазное правило этики». Автор постулирует заботу в качестве фундаментально отличного от других этического принципа, приводятся ее иные основания, в частности опора не на эмпирический, а на онтологический фундамент. Бытие постулируется в качестве базового принципа любого этического поступка, а необходимость осознания человеком своей причастности к Бытию определяется как движущий принцип любого безупречного этического суждения.

Ключевые слова и фразы: этика; мораль; нравственность; категорический императив; забота; золотое правило; алмазное правило; Бытие; экзистенция.

Куницын Андрей Геннадьевич
Череповецкий государственный университет
marten18@mail.ru

ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «ЗАБОТЫ»

Введение

Данная статья посвящена исследованию категории философии экзистенциализма, обозначенной Мартином Хайдеггером как понятие «забота» (нем. Sorge), в рамках современного этического дискурса. Таким образом, «забота» является объектом исследования, а предметом исследования является возможность определения данного понятия в качестве нового слова в философской этике.

Актуальность данного исследования состоит в необходимости поиска новых форм определения «этического» в философии XXI века: «золотое правило» нравственности, категорический императив И. Канта, «алмазное правило» и другие этические критерии частично утратили свою актуальность в связи с последними социальными и гуманитарными изменениями в постсовременном обществе. Становление и укрепление горизонтальных (вместо вертикальных) связей между членами общества, детерриторизация социальных

групп, номадический (от слова «номад», странник) характер социальной мобильности, укрепление ризоматических структур и другие изменения, характерные для эпохи постмодерна, отрицающей модерн, требуют новых подходов к пониманию морали и нравственности, которые и охватывает философская этика.

Научная новизна данной работы состоит в демонстрации категории «забота» как краеугольного камня здания новой этики. В рамках этой задачи этика заботы противопоставляется более известным этическим доктринам.

Цель статьи – раскрыть этическое содержание категории «забота». В качестве **задач** статьи выделяются следующие: 1) критика предыдущих этических доктрин, в частности в рамках критики анти-субъектного дискурса, который со времен М. Хайдеггера можно назвать наследием эпохи модерна, не соответствующим современным (постмодернистским) тенденциям в философии XX века; 2) нахождение нового субъекта действия, чей топос основывается на понимании Бытия, а не на определении сущего; 3) выявление значения человека в качестве свидетеля и агента Бытия в мире, что способно определить более высокий, чем ранее, статус человека и более высокую, чем ранее, ответственность за свои действия в мире.

В статье будет использован сравнительный, аналитический методы и метод Dasein-аналитики, предложенной М. Хайдеггером.

Основная часть

Философская категория «забота» впервые появляется в философии Сократа в образе «заботы о себе» (греч. epimeleia heoton). Сократ связывает ее с важнейшей философской максимой «познай самого себя» (греч. gnothe heoton): «...легко ли это или нет, с нами происходит следующее: познав самих себя, мы одновременно познаем заботу, в которой нуждаемся, а без такого познания мы никогда этого не поймем» [5, с. 211]. Сближая понятия «познание» и «забота», Сократ позволил последней претендовать на научность и теоретическую значимость.

В XX веке эта категория приобретает дополнительный вес: Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» отводит «заботе» (нем. Sorge) особую роль, определяя ее как ключевой экзистенциал своей Dasein-аналитики. Именно забота, с точки зрения данного мыслителя, определяет само существование человека [7, с. 100]. Хайдеггер приводит античную притчу о богине Заботе, в которой именно ей принадлежит инициатива в создании человека таким, какой он есть: «Забота первая вылепила это существо, она будет владеть им до тех пор, пока оно будет жить» [Там же, с. 338]. Забота, с точки зрения данного мыслителя, проявляется как базовое состояние человека, пребывающего в мире, который в своей сути есть пограничное состояние бытия. Страх, тревога, одиночество и другие аффективные состояния определяют потребность человека осмысливать свое нахождение между рождением и смертью, совершать действия в соответствии с этим осмыслением и планировать свое будущее. Однако существование человека не может быть определено лишь из него самого – человек есть социальное творение и отражение социальных процессов. Поэтому не менее важным представляется осмысление человека в его связях с другими. Критика практического разума, о которой говорил И. Кант, предполагает поиски этических оснований этого взаимодействия. Предложенный им категорический императив стал основой этической доктрины Новейшего времени [4]. При этом сам императив опирается на идею субъекта как константу. Аксиоматичность субъекта этического действия до середины XX практически не подвергалась сомнению (перелом произошел лишь в философии постмодерна, подвергшего человека как единство процессу дефрагментации и деконструкции).

Иные этические доктрины при всем их своеобразии, однако, солидаризируются с Кантом и в целом с Просвещением в вопросе неделимости (атомарности) человеческого индивида и его эмпирической определенности. Например, современный российский исследователь Михаил Эпштейн предлагает так называемое «алмазное правило этики» (в развитии «золотого правила», которое идейно близко категорическому императиву Канта, но имеет более древнее происхождение, менее философски оформлено и более понятно обычному человеку). Звучит оно так: «Поступай так, чтобы твои наибольшие способности служили наибольшим потребностям других людей» [10, с. 49]. Согласно этому правилу, каждый человек наделен уникальным набором качеств, которые подобны граням алмаза, и наибольшее благо его действия принесут только в том случае, если он будет основываться во всех своих поступках на этих своих достоинствах: «Делай то, в чем нуждаются другие и чего на твоём месте не мог бы сделать никто другой» [Там же].

Если императив Канта опирается на понимание человека как целостной категории (то есть оставляет за скобками его индивидуальные черты), то здесь речь идет о единице неповторимой и уникальной. Однако и в том, и в другом случае эмпирический факт бытия человека не подвергается сомнению – поступок любого человека расценивается из факта наличного бытия. Императивность (обязательность) этических доктрин таким образом основывается на императивности самого человека. Подобно тому, как для решения какой-либо математической задачи мы берем готовые условия и исходные данные и только потом ищем ответ на поставленные вопросы, так и проблемы межличностных противопоставлений этическая философия, как правило, пытается решать, исходя из известности человека как этической единицы.

Светские и религиозные этические доктрины, предлагающие «золотое», «серебряное», «платиновое», «алмазное» и другие правила морали, каждый раз основываются на этой непреложной человеческой идентичности, предметной данности, то есть человек принимается как эмпирическая реальность, научный факт. При этом вопрос об онтологической сущности этой эмпирии до сих пор остается нерешенным. Данное несовершенство понимания человеческого «я» приводит к невозможности разрешить верность или неверность любого принимаемого человеком решения или совершаемого им действия.

Однако любая этическая дилемма может быть разрешена лишь в том случае, если будет верно найден ответ на вопрос: «Кто именно?» (или «в чьих интересах?») или «по отношению к кому?») совершается этическое

действие, когда будет преодолен эмпирический заслон. Личность, о которой говорит социальная философия или психология, есть лишь сокрытие подлинной экзистенции. В «Письме о гуманизме» Хайдеггер об этом говорит так: «Но личностное минует и одновременно заслоняет суть бытийно-исторической экзистенции не меньше, чем предметное» [8, с. 200]. Социальный конструкт, который и есть всем доступная для восприятия человеческая личность, и определяет то заслонение, о котором здесь идет речь. Личность не столько является субстанциальное бытие человека, сколько скрывает его, подменяя его внешними акциденциями. Поэтому безупречное этическое решение и следующее за ним действие могут быть приняты только из инобытия, которое и есть онто-бытие человека.

Для человека важно не столько принять правильное решение в данных предлагаемых обстоятельствах, сколько измерить онтологический вес своего решения. В этом заключается сущность экзистенциала «забота»: человек, пребывая в Бытии, мысленно устраняет все онтические (эмпирические) элементы ситуации для того, чтобы решение его смогло быть взвешено на весах Бытия. Развивая метафору весов, можно сказать, что любой поступок может быть «легким» или «тяжелым». Человек может спросить себя: «Совершается ли он ограниченным человеком, или же за ним пребывает вся тяжесть Бытия?». Легковесный поступок, насколько он бы ни был хорош с точки зрения человеческой морали, всегда может быть оценен положительно, отрицательно или нейтрально, исходя из тех последствий, к которым он в конечном итоге приводит. С другой стороны, поступок, который есть движение самого Бытия, не может быть оценен в рамках этих трех категорий, поскольку Бытие не есть благо или его противоположность, ибо Бытие есть единственный внеоценочный и самодостаточный внеэмпирический факт.

Позиция Хайдеггера была отчетливо заявлена в его дискуссии с Эрнстом Кассирером в 1929 в Давосе (данный диспут является одним из знаковых в XX веке). Позиции мыслителей разошлись, в частности, в вопросе понимания человеческой природы – соотношения ее конечности и бесконечности. Кассирер находит целостную человеческую природу, сопрягающую принцип имманентной конечности и трансцендентной бесконечности в факте самого бытия человека, который «всю сферу переживаний преобразует в объективный образ, в котором он объективирует себя таким образом, что при этом он хотя радикально и не освобождается от конечности в смысле исходной точки (ибо она все еще сопряжена с его собственной конечностью), но, вырастая из этой конечности, выводит конечность в нечто новое. И это есть имманентная бесконечность» [9, с. 130]. Хайдеггер противопоставляет конечное (эмпирическое) и бесконечное (онтологическое) в человеке: «Однако человек никогда не бесконечен и не абсолютен в творении самого сущего, но он бесконечен в смысле понимания бытия» [Там же, с. 127]. Оба мыслителя в действительности говорят об одном – о бесконечности, хотя первый предпочитает видеть ее в эмпирическом факте человеческого бытия (имманентности), тогда как второй отводит ей место за пределами проявленного эмпирического факта (трансцендентности), который и есть человек как данность. Хайдеггер говорит о сверх-человеческом в подлинном человеке, тогда как Кассирер определяет подлинно человеческое как сверх-предметное.

В любом случае какую бы позицию ни занял исследователь в данном вопросе, ему следует придерживаться этого принципа онтологической бесконечности человеческого фактора, поскольку только бесконечность онтологического опыта способна открыть иные горизонты этики. Бесконечность в данном случае указывает на допустимую полноту опыта. Представим себе ситуацию, когда нам предстоит принять значимое решение, от которого зависит судьба и даже жизни других людей. В каком случае мы сможем принять более взвешенное решение – когда наши знания о причинах сложившейся дилеммы, сути сложившейся конфигурации и последствиях принимаемого решения лимитированы и незначительны, или если мы обладаем максимально возможным информационным ресурсом? Естественно, что только полнота знания позволит нам принять лучшее решение. Так, в ходе военных действий главнокомандующий обладает большим объемом информации, чем командующий взводом, и ему доступны иные масштабы восприятия и возможности для принятия решений. Оценивание ситуации в максимальном масштабе означает взгляд на нее глазами Бытия. Несмотря на то, что человек никогда не сможет обрести абсолютный, заверченный взгляд самого Бытия, однако факт приобщенности к бесконечности этого взгляда указывает на движение как стремление к горизонту, что в любом случае предпочтительней самоуверенного ограниченного узкого человеческого зрения. С одной стороны, часто, принимая то или иное решение, человек испытывает уверенность в его правильности, но эта уверенность исходит из его ограниченной природы и потому вводит его в заблуждение. Такой человек часто совершает поступок, приводящий к катастрофическим последствиям, хотя тот и был продиктован искренними намерениями. Желания участвовать в политических процессах, революционных движениях и захватнических войнах часто мотивируются конкретным человеком ясными и искренними идеями, но оборачиваются мрачными результатами, которые всем известны. С другой стороны, человек, чьи представления о себе не ограничиваются национальными, политическими, религиозными или иными рамками, может испытывать сомнения в верности совершаемых им действий, но его обращенность к бесконечности Бытия послужит ему гарантией того, что этическая суть его поступков будет безупречной. Эта сопричастность Бытию в каждом своем суждении и действии и есть забота, о которой говорил М. Хайдеггер.

Все внешнее, эмпирическое, определяющее биологическую и социальную природу человека, может казаться безобидным в обыденном смысле, но в философском плане оказывается «преступным», ибо представляет собой форму кражи, при которой похищается не объект обладания, а сама субъектность человека. Для этого процесса подходит известный философский концепт «отчуждение». В данном ключе о нем можно сказать следующее: «Отчуждение – это социальный процесс, характеризующийся превращением человеческой деятельности, ее результатов, а также самого ее субъекта во внешнюю, самостоятельную, господствующую над человеком

и неподвластную ему силу» [2, с. 168]. Иными словами, утрачивая связь с Бытием, человек оказывается во власти сил, которые обкрадывают его, лишая его «самости». Можно ли говорить о заботе, когда утрачивается сам объект заботы, переставая быть субъектом своих желаний, интересов и действий. Социальная среда поглощает индивидуум, разрывая его связи с Бытием, и тем самым аннулирует саму возможность проявления заботы о нем. Таким образом, Бытие в качестве основы антропологического состояния должно стать ключевым принципом понимания человека, и на фундаменте этого понимания может быть построено здание заботы о нем и о человеческом обществе в целом. Таков предлагаемый здесь принцип этики заботы.

Помимо указанного онтологического смысла этики, следует рассмотреть императивность этики Просвещения с точки зрения недостаточности в прикладном смысле. Теоретизирование этики у Канта выражается в абстрактности понятий, которыми он оперирует, в их оторванности от реальной социальной практики. Современный исследователь этики Р. Г. Апресян отмечает: «У Канта определенно получается, что абстрактная справедливость выше блага конкретного другого, конкретный другой оказывается средством для нравственного совершенствования человека» [1, с. 18]. Этические взгляды, оторванные от реальной заботы о другом, в общественных отношениях могут проявляться как равнодушие и отчуждение. Их характерной чертой является отсутствие эмпатии (осознанного сопереживания другому человеку). Помимо этого, даже стремление понять, прочувствовать другого в философском плане сталкивается с невозможностью достижения результата. Б. Спиноза объясняет человеческую природу (и в целом природу живых организмов) через механизм аффектированности [6, с. 143]. При этом целостность телесного восприятия и ощущения жизни одного человека, с точки зрения Спинозы, оказывается недоступной другому существу, наделенному иным комплектом аффектов. Ж. Делез даже рекомендует составлять «карту аффектов» тому, кто хочет теоретически понять природу другого человека [3, с. 25]. Но, несмотря ни на какие теоретические усилия, истинное «вживание» или эмпатия оказываются невозможными на практике. Любая имитация этого состояния оказывается подделкой и потому не может служить иллюстрацией для честной этической доктрины. Действия волонтеров во время катастрофы или собирание средств в помощь пострадавшим в действительности не решают философскую проблему сопереживания: эмпирические действия не позволяют по-настоящему «разделить горе», поддержка, оказываемая людям, попавшим в беду, не позволяет проникнуть в саму природу их ощущений и нужд. Аффектированность указывает на состояние тел и телесного сознания, что является неизбежным фактором эмпирического бытия. Социальная практика требует осознания непреодолимости этого различия, а значит, и уважения «границ» другого. Если онтологическое измерение, указанное в основной части этой статьи, говорит о тождестве, то эмпирическое измерение указывает на различие.

Таким образом, осознание и принятие двух философских принципов – тождества и различия – может быть предложено в качестве фундамента рассматриваемой здесь этики заботы.

Заключение

В данной статье был проведен анализ существующих этических доктрин в сравнении с предлагаемой этической доктриной, основанной на категории «забота». Был использован метод Dasein-анализа, где забота выступает в качестве экзистенциала, то есть способа проявления самого Бытия в мире посредством человеческой экзистенции. Главным выводом данной статьи следует считать необходимость осознания человеком ценности своего присутствия в мире не как феноменологического объекта, выступающего субъектом в рамках того или иного социального действия, но как фактора присутствия Бытия. Именно Бытие, а не эфемерное человеческое «я», инициирует любое действие, и именно Бытие является причиной и результатом каждого действия. Неосознание этого императива и вынуждает человечество создавать все новые и новые этические доктрины, опирающиеся на принцип субъектности. При этом рекомендуется принимать во внимание не только онтологическую природу человека, но и его эмпирическое «я», закрытое для понимания других. Автор статьи предлагает следующие рекомендации для дальнейшего исследования предложенной темы: 1) изучение человеческой субъектности в рамках Dasein-аналитики как фактора присутствия Бытия в мире этических действий; 2) критический анализ исторически значимых этических положений с точки зрения Dasein-аналитики, например, исследование Десяти заповедей или Законов царя Хаммурапи, равно как и более современных документов, таких как Декларация прав человека; 3) выявление практических сторон Dasein-аналитики в сфере пересечения философских идей с психологией и педагогикой и разработка соответствующих практических пособий и рекомендаций для руководителей любого уровня, педагогов и любого человека, чья деятельность включает взаимодействие с другими людьми.

Список источников

1. Апресян Р. Г. О праве лгать // Логос: философско-литературный журнал. 2008. № 5 (68). С. 4-18.
2. Булавка-Бузгалина Л. А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 167-179.
3. Делез Ж. Лекции о Спинозе / пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.
4. Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. СПб.: Наука, 1995. 528 с.
5. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
6. Спиноза Б. Этика. СПб.: Азбука; Азбука-Аттика, 2017. 336 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. М.: Академический Проект, 2011. 460 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. Хайдеггер М., Кассирер Э. Давосская дискуссия между Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Мн.: ЕГУ, 2001. С. 124-133.
10. Эпштейн М. От золотого правила – к алмазному. Об этике дара и различия // Человек. 2009. № 1. С. 49-54.

ETHICAL DIMENSION OF "CARE"

Kunitsin Andrei Gennad'evich
Cherepovets State University
marten18@mail.ru

The article reveals the ethical content of the "care" concept comparing it with other ethical doctrines such as I. Kant's categorical imperative and the "golden rule of ethics". The author provides arguments for considering care as a cardinally different ethical principle, in particular, the fact that it is based not on empirical but on ontological foundation. Being is postulated as the basic principle of any ethical action, and human necessity to recognize his involvement into Being is defined as motivation for any perfect ethical argument.

Key words and phrases: ethics; morality; morals; categorical imperative; care; golden rule; diamond rule; Being; existence.

УДК 165.01; 378.147

Дата поступления рукописи: 31.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.30>

Авторами статьи актуализирована значимость дисциплин социально-гуманитарного цикла при формировании личности сотрудника полиции в условиях трансформации образовательной парадигмы. Исследование показало, что процесс освоения данного блока предметов может и должен сочетать в себе теоретические и прикладные аспекты. При этом последние успешно реализуются при использовании интегрированных образовательных технологий, что позволяет учитывать содержательную неоднородность дисциплин, их методологическую многовариантность и отвечает цели формирования всесторонне развитой, социально-адаптивной и профессионально мобильной личности будущего специалиста.

Ключевые слова и фразы: знаниевая парадигма; компетентностная парадигма; практикоориентированные технологии; интерактивные методы обучения; социально-гуманитарные дисциплины.

Петракова Анна Сергеевна, к. филос. н.

Астахова Армини Аветиковна, к. психол. н.

Артёменко Надежда Анатольевна, к. пед. н., доцент

Новороссийский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
petrakova_1984@list.ru; armina-astakhova@yandex.ru; pestnya@yandex.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИН СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО БЛОКА
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Проблема соотношения теоретических и прикладных аспектов освоения дисциплин социально-гуманитарного блока будет **актуальна** всегда, поскольку рассматриваемые предметы чрезвычайно насыщены большими объемами теоретической информации и нацелены на формирование интеллекта в большей степени, нежели профессиональные. Однако в условиях трансформации образовательной парадигмы в современной России данный вопрос приобретает новое звучание. В частности, знаниевая парадигма, отличающаяся насыщенностью педагогического процесса большими объемами фактологической и иллюстративной информации, сегодня практически вытеснена компетентностной, основу которой составляют эвристическое обучение и воспитание, предполагающие самостоятельность обучающегося, его активность в постоянном творческом поиске [1, с. 57].

Фундаментом образовательного процесса становится использование преподавателями практикоориентированных педагогических технологий, активных и интерактивных методов обучения. И здесь встает вопрос о том, насколько применимы последние при преподавании учебных дисциплин социально-гуманитарного блока. Актуализирует изучение темы и тот факт, что изменение современной образовательной парадигмы породило ряд проблем. В частности, как отмечают Э. Н. Платонова, И. И. Садовая и др., в условиях либерализации образовательной среды, где основным требованием в выборе методик стоит критерий практикоориентированности, нет единой программы социально-гуманитарного образования, а также инновационные методики, активно внедряемые в образовательный процесс педагогами, не проходят соответствующую экспертизу и апробацию ввиду отсутствия единых требований к порядку их реализации на федеральном уровне [7, с. 147]. Одновременно с этим социально-гуманитарные дисциплины хотя и образуют единый блок, все же чрезвычайно отличаются друг от друга направленностью, содержанием, методологией, что само по себе порождает многовариантность используемых методик преподавания.

Важность исследуемой проблемы подчеркивает и тот факт, что социально-гуманитарные дисциплины благодаря своей теоретической наполненности содержанием знания, отличающегося высокой степенью общности, чрезвычайно важны для формирования личности сотрудника полиции, к которой обществом и государством предъявляются крайне высокие требования. Это связано, во-первых, с тем, что полицейский в сознании граждан является лицом, наделенным властью, и отражением той политической системы, которая существует